

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ

Маленькие ЖЕНЩИНЫ

С иллюстрациями

Золотое наследие (Эксмо)

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

«ЭКСМО»

1868

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Олкотт Л.

Маленькие женщины / Л. Олкотт — «Эксмо», 1868 — (Золотое наследие (Эксмо))

Мег, Джо, Бетси и Эми Марч – сёстры, самой старшей из которых шестнадцать лет, а самой младшей – двенадцать. Каждая проходит через непростой этап взросления, искренне стремясь стать лучше. В истории сестёр Марч описываются важные во все времена истины: осознание долга и справедливости, любовь к родителям, взаимопонимание в семье и в дружбе, проявление доброты к людям. Книга американской писательницы Луизы Мэй Олкотт стала первой в жанре приключенческих романов о взрослении для девочек.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Олкотт Л., 1868

© Эксмо, 1868

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	26
Глава IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Луиза Мэй Олкотт Маленькие женщины

Цветные Иллюстрации Либико Марайя,
Гравюры Фрэнка Т. Меррилла

© Libico Maraja Association 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава I

Игра в «Пилигрима»¹

– Что за Рождество, когда нет подарков! – ворчливо говорила Джо, лёжа на ковре.
– Ах, как грустно быть бедными! – вздохнула Мег, взглянув на своё поношенное платье.
– Отчего у одних всё есть, а у других ничего? – спросила Эми с тяжёлым вздохом.
– У других нет ни отца, ни матери, никого на свете, – отвечала Бетси, – а у нас есть и папа, и мама, и нас целых четверо.

Все четыре сестры улыбнулись, но сейчас же опять сделались грустны, когда Джо сказала:
– Папы у нас здесь нет и долго ещё не будет.

Она не прибавила: «А может быть, и никогда». Но все сёстры подумали это, так как их отец был в Америке, где шла война между Северными и Южными штатами.

Они примолкли на несколько минут.

– Правду сказать, – прервала молчание Мег, – стыдно было бы думать об удовольствиях и подарках, когда кругом нынче столько несчастных. Зима стоит такая суровая, и у многих не хватает самого необходимого. Мы не могли бы ни для кого, конечно, сделать много, но немножко можем. Надо попробовать... Только это ужас как трудно!

– Да что сделаешь на один доллар? – воскликнула Джо. – Я понимаю, что мама не может покупать нам подарков, но очень жалко, что мы на собственные деньги не можем сделать себе того, что нам хочется. Я, например, так давно мечтаю купить себе «Ундину»! – прибавила Джо, очень любившая чтение.

– Ну а мне никак нельзя обойтись без коробки карандашей Фабера! – решительно заявила Эми. – Ведь без них я и рисовать не могу.

– Да ведь мама ничего не говорила о наших собственных деньгах, – сказала Джо. – Я думаю, что мы можем доставить себе на них какое-нибудь удовольствие. Ах, у нас так мало удовольствий!

– Ещё бы! – сказала Мег. – Какая скука быть учительницей!

– Но всё же лучше, чем целый день сидеть с капризной старухой и исполнять её приказания! – воскликнула Джо.

– Я скажу, что хуже всего. Очень скучно заниматься хозяйством, мыть посуду, чистить да убирать! И руки портятся от этого. После нельзя играть на фортепиано, – прибавила Бетси, вздохнув.

– Зато никто из вас не ходит в школу, как я! – воскликнула Эми. – А хуже этого ничего быть не может. Девочки такие злые! Они смеются, когда не знаешь урока, обсуждают, у кого какой нос, какой рот, и дразнят.

– Ах, как жалко, что у папы пропали деньги! – сказала Мег. – Если бы мы были богаты, мы, наверно, были бы счастливее и не знали бы никаких забот.

– А помнишь, ты говорила, что мы гораздо счастливее детей семьи Кинг, которые постоянно дерутся? – заметила Бетси.

– Да, это правда, – отвечала Мег, – и я подтверждаю это. Если б не наша бедность, мы составляли бы отличную «коллекцию», по выражению Джо.

¹ Пилигрим – странствующий богомолец, паломник к святым местам. На своём пути к самосовершенствованию сёстры подражают некоторым моментам из книги Джона Баньяна (1628–1688) «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну», в которой под видом такого странствия изображается вся человеческая жизнь до самой смерти.

– У Джо всегда такие некрасивые выражения, – сказала Эми, с упрёком взглянув на высокую фигуру сестры, сидевшей у камина.

Джо встала с задорным видом, заложила руки за спину и стала, посвистывая, расхаживать взад и вперёд.

– Фи! – воскликнула Эми. – Не свисти, Джо! Ты точно мальчишка.

– Я для того и свищу.

– Очень нехорошо, когда у девочки дурные манеры! Терпеть этого не могу!

– А я, – сказала Джо, – терпеть не могу жеманных гримасниц.

– «Птички в гнёздышках мирно живут», – стала напевать Бетси с добродушно-лукавым видом, и ссора сразу прекратилась.

– Вы глупите, мои милые! – наставительно сказала Мег в качестве старшей сестры. – Конечно, тебе, Жозефина, пора бросить твою мальчишескую манеру! Ведь ты уж больше не девочка со стриженными волосами, а взрослая барышня с причёской.

– Не хочу я быть барышней! И если причёска тут играет важную роль, так я перестану её делать и до двадцати лет буду ходить с распущенными косами!

Она тряхнула головой, выдернув шпильки, и её густые каштановые волосы рассыпались до самой талии.

– Была бы я Жозеф, а не Жозефина, так теперь была бы с папой на войне, а не вязала бы чулок, как древняя старуха! – прибавила она, так сильно рванув нитку с клубка, что он выкатился из её корзинки на середину комнаты.

– А ты, Эми, в самом деле ужасно жеманная, – продолжала Мег. – Пока ты девочка, это ещё не так заметно, а когда ты вырастешь, это будет очень нехорошо. У тебя и выражения такие же изысканные, как твоя манера. Это тоже большой недостаток.

– Обeim попало, – сказала Бетси, – а мне что ты скажешь?

– Что ты милая, прелестная девчурка, – отвечала Мег, обняв и целуя Бетси, которая была общей любимицей семьи.

Комната, где сидели сёстры у камина, в котором ярко потрескивал огонь, была аккуратно прибрана, хотя ковёр давно выцвел и мебель была старомодная. На угловых этажерках лежали в порядке книги, на окне стояли цветы.

Маргарет, или Мег, было шестнадцать лет. Это была хорошенькая девушка с большими глазами, блестящими чёрными волосами и очень красивыми белыми ручками, которыми она немножко гордилась.

Джо, или Жозефине, было пятнадцать лет. Она была высокая, худенькая и смуглая, с прекрасными, выразительными серыми глазами. Эти глаза да густые волосы были её единственной красотой. Длинные руки и ноги мешали ей. «Я не знаю, куда их девать», – так она сама объясняла. Росла Джо не по дням, а по часам, и сердилась на это.

Элизабет, или Бетси, было тринадцать лет. Она была беленькая, с розовыми щёчками и блестящими, но застенчивыми голубыми глазками, всегда ровная, спокойная и немножко задумчивая.

Эми только минуло двенадцать лет, но она очень много о себе думала и очень заботилась о своей наружности. Это была бледная, тоненькая девочка с нежными голубыми глазами и пепельными локонами.

Пробило шесть часов. Бетси подмела сор у камина и поставила перед ним домашние туфли. Это был знак, что скоро придёт мать, и лица сестёр повеселели. Джо взяла туфли и стала греть их у огня.

– У мамы совсем износились домашние туфли, – сказала она, – надо купить ей новые.

– Я куплю на свой доллар! – воскликнула Бетси.

– Нет, я! – сказала Эми.

– Ну, вот ещё! – сказала Мег. – Я самая старшая, я куплю...

– А вот и нет! – перебила Джо. – Без папы я здесь мужчина... Папа велел мне особенно заботиться о маме. Поэтому я куплю ей туфли.

– Ну хорошо, – сказала Бетси, – мы все сделаем ей по подарку на Рождество.

– Вот это отлично! – воскликнула Джо, целуя её. – Что же мы подарим?

Сёстры подумали несколько мгновений, Мег взглянула на свои хорошенькие маленькие ручки.

– Я подарю маме перчатки, – сказала она.

– Я куплю ей носовые платки и сама их подрублю и вышью, – сказала Бетси.

– А я, – сказала Эми, – флакончик одеколona. У меня тогда ещё останется от доллара, и я куплю что-нибудь для себя.

– Мы положим подарки на стол, – сказала Джо, – и позовём маму, как всегда делаем в наши дни рождения. Пусть мама думает, что мы теперь идём покупать что-нибудь для себя. Завтра же надо идти, Мег! Нам многое надо купить к нашему представлению.

– Да, – отвечала Мег. – Я последний раз в нём участвую: я уж стара для таких игр.

– Нет, пожалуйста, Мег, – пылко восстала Джо, – ты наша лучшая актриса... без тебя ничего не выйдет!

– Проведём-ка репетицию! – предложила Мег. – Эми совсем не умеет падать в обморок. Она стоит и падает, как палка.

– Я не виновата, – сказала Эми, – я никогда не видала, как падают в обморок. Да я и не хочу быть в синяках. Я тихонько упаду или красиво опущусь в кресло. Что, вы думаете, я боюсь Хьюго и его пистолета?

Эми была очень плохая актриса, и её выбрали в героини только потому, что она была очень лёгонькая и герой свободно мог её поднять.

– Ну-ка, Эми, милая, попробуй, – сказала Джо. – Подними руки, протяни их к небу, сделай несколько шагов по комнате, шатаясь, и вскрикни с испугом: «Родриго, спаси, спаси меня!»

Джо для примера закричала раздирающим голосом. Эми старалась подражать ей, но это у неё не вышло. Она вытянула руки, как палки, и вскрикнула, точно её комар укусил. Джо ворчала, Мег хохотала, а Бетси сожгла свой хлеб в камине, так её интересовала репетиция.

– Ну, всё равно, – сказала Джо. – Играй, как умеешь!

Репетиция продолжалась и благополучно закончилась. Колдунья Агарь спела дикую песню, мешая зелье в котле. Родриго храбро сбил оковы, а Хьюго умер в судорогах, замученный угрызениями совести...

– У нас никогда ещё не было такой замечательной пьесы, – сказала Мег.

– Ах, Джо! – воскликнула Бетси. – Как это ты умеешь такие чудные вещи сочинять!

– У меня есть гораздо лучше, – скромничала Джо, – но я жалею, что нам нельзя сыграть Макбета. У нас нет люка, чтобы явиться тени Банко. «Что это? Не кинжал ли я вижу?» – продекламовала Джо, грозно вращая глазами и потрясая поднятой рукой.

– Нет, не кинжал, а щипцы и мамины туфли! – отвечала Мег.

Представление кончилось громким смехом.

– Как я рада, что вижу вас такими весёлыми, мои дорогие! – послышался в передней голос.

Сёстры бросились к миссис Марч, входившей в комнату. Это была женщина маленького роста, толстенькая, без всякой красоты в добром лице, с ласковой, спокойной манерой.

– Ну, как вы тут поживали без меня? – спрашивала она, улыбаясь. – Никто не был? Мег, ты всё кашляешь? У тебя, Джо, усталый вид. Бетси, Эми, подите ко мне, я вас поцелую!

Сбросив мокрое платье и надев туфли, миссис Марч села в кресло у камина и посадила Эми к себе на колени. Дочери ухаживали за ней. Мег заваривала чай, Бетси накрывала ужин, Джо ставила стулья к столу, опрокидывая и роняя всё, что ей попадалось на дороге. Только Эми ничего не делала и отдавала приказания сёстрам.

– У меня есть для вас сюрприз, дети, – сказала миссис Марч, садясь к столу.

– Наверно, письмо от папы! Да, да! Ура! Да здоровствует папа!

Девушки хлопали в ладоши и прыгали от радости.

– Папа обращается в письме к каждой из вас отдельно, – прибавила мать.

– Не будем терять времени, – сказала Джо, опрокидывая чашку с чаем. – Как мне хотелось бы сделаться... Эми, как называются эти маленькие женщины с маленькими бочонками через плечо?

– Маркитантки? – сказала Мег.

– Да. Тогда я была бы с папой... А ещё лучше быть медсестрой при госпитале.

– Ну, это очень тяжело!

– Когда папа вернётся? – спросила Бетси.

– Не раньше чем через год, моя милая, если только будет здоров. Ну, слушайте же, я буду читать письмо.

Мать снова села в своё кресло, и девушки окружили её. Бетси села у её ног, Мег и Эми на ручках кресла, а Джо встала сзади, опершись обеими руками на спинку, чтоб ловчее было спрятаться, если она вздумает заплакать.

Мистер Марч рассказывал о своей походной жизни, слегка упоминая об опасностях, с надеждой говоря о лучшем будущем. Он обращался к дочерям с ласковыми словами и выражал уверенность, что, вернувшись, будет гордиться своими «маленькими женщинами».

Все были тронуты письмом, и Джо не стыдно было крупных слёз, катившихся у неё по щекам и даже по носу. Эми бросилась к матери на шею, пряча личико у неё на плече и забывая о своих локонах, которые она не боялась больше растрепать.

– Мама... милая... я знаю, что я такая эгоистка... но я постараюсь, чтоб папа был доволен и мной.

– Да, – говорила Мег. – Вот и я так часто бываю тщеславна и ленива!.. Но я непременно исправлюсь... если смогу, – прибавила она тише.

– И я постараюсь не быть похожей на мальчика, а быть «маленькой женщиной», как папа хочет, – сказала Джо. – Буду всё делать, что нужно дома, и не желать невозможного!

По мнению Джо, гораздо труднее было справляться с домашними обязанностями, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бетси молча отирала слёзы чулком, который она вязала, и мысленно давала обещание радовать отца, когда он вернётся.

– Помните, – сказала миссис Марч, – когда вы были маленькие, как вы любили играть в «Пилигрима»? Вы брали мои мешки с лоскутками и палки, надевали шляпки и странствовали по всему дому от погреба до амбара. Амбар был у вас «Город уныния», а верхняя терраса – «Небесный Иерусалим», и вы украшали его самыми любимыми своими вещами.

– Ах, как это было весело! – воскликнула Джо. – Как страшно было идти по пустыне, где жили львы и где надо было бороться с искусителем!

– Я, – сказала Мег, – больше всего любила, когда наши ноши падали, будто сами собой, с плеч и катились вниз по лестнице.

– А я больше всего любила переходить в «Небесный Иерусалим», – сказала Бетси. – Там у нас было столько цветов, солнышко светило! Так хорошо было прийти туда и петь по окончании странствия!

– Я это всё смутно помню, – сказала Эми, – знаю только, что очень боялась погреба; у входа в него было так темно! Я любила, когда после странствия мы садились и ели пирожки и крем. Это я очень, очень любила. Как жаль, что мы уже большие и нельзя больше играть в «Пилигрима»!

– В эту игру, моя милая, можно играть всегда, – сказала миссис Марч. – Вся наша жизнь – такое странствие, и ноши у каждого из нас есть, и дорога открыта перед нами, и мы все идём по ней, стремясь к счастью. Кто захочет, тот после многих ошибок и грехопадений придёт к душевному миру, а этот мир и есть «Небесный Иерусалим». Попробуйте-ка, мои маленькие пилигримы, опять начать эту игру, только не шутя, а серьёзно! Посмотрим, далеко ли вы уйдёте вперёд к возвращению папы домой?

– Хорошо, – сказала Эми. – Но какие же мы возьмём ноши?

– Каждая из вас назвала уже сейчас свою ношу, кроме Бетси, у которой, верно, нет никакой.

– Ах нет, есть, мама: хозяйство, ужасное желание иметь хорошее фортепиано и боязнь чужих.

Ноша Бетси была так легка, что всем хотелось засмеяться, да боялись обидеть девочку.

– Хорошо, попробуем, – задумчиво сказала Мег. – Это ведь на самом деле – старание сделать лучше. Ах! Желание-то быть хорошей всегда есть, только твёрдости никогда не хватает.

– Сегодня мы тонули в «Болоте уныния», – сказала Джо, – и мама спасла нас, как в книге, где Надежда является спасительницей. Но там у героя-христианина есть правила, согласно которым он идёт по дороге к «Небесному Иерусалиму». А мы где же их возьмём?

Джо хотелось поскорее начать действия, и она была в восторге, что может несколько опозитизировать тяжёлую задачу долга.

– Ты найдёшь правила у себя под подушкой в Рождественский сочельник, – сказала миссис Марч.

Они ещё немного потолковали о своих планах. Когда пробило девять, все встали на молитву, а потом запели хором псалом. Бетси аккомпанировала на стареньком фортепиано с пожелтевшими клавишами. Голос Мег раздавался, как флейта. Миссис Марч управляла маленьким хором. Джо ввёртывала фантастические трели и то и дело фальшивила.

Сёстры с детства привыкли подпевать матери, и миссис Марч пела, как жаворонок, с утра до вечера.

Глава II

Праздник начинается

В рождественское утро Джо проснулась раньше всех и сунула руку под подушку. Она нашла там книгу в красном переплёте. Это было Евангелие – лучший руководитель для пилигрима, который хочет достичь цели своего странствия.

Джо разбудила Мег и других сестёр. Они желали друг другу весёлых праздников, целуя одна другую, и каждая нашла у себя под подушкой Евангелие в хорошеньком цветном переплёте.

– Знаете, – сказала Мег, – после отъезда папы мы совсем забросили привычку читать Евангелие. Положим его каждая у своей постели и будем каждый день читать понемножку. Начнём с сегодняшнего дня, Джо!

Она открыла священную книгу, Джо обняла её за плечи и, склонившись к ней, стала читать вместе.

– И мы сделаем то же, Эми, – сказала Бетси. – Чего мы не поймём, то сёстры нам объяснят.

Все четыре сидели над Евангелием и читали с благоговением, а солнышко, заглядывая в окно, освещало их детские личики.

– Где мама? – спросили старую няню Анну Мег и Джо, сойдя вниз полчаса спустя.

– И сама не знаю, – отвечала старушка. – Приходил ранёхонько утром какой-то мальчик и просил на бедность, для больной матери. Ваша мама сейчас и ушла с ним. Она ведь никогда бедным не отказывает.

Анна давно жила в доме – с самого рождения Мег – и считалась членом семьи.

– Мама, наверно, скоро вернётся, – сказала Мег, – давайте накрывать завтрак... А где же одекolon, Эми? – спросила она, заглянув в корзинку с подарками.

– Эми, верно, пошла завязывать ленточку на флакон, – ответила Джо, прыгавшая по комнате, чтоб размять новые туфли.

– Хороши мои платки? Анна их так хорошо выгладила!

– Посмотрите-ка! – воскликнула Джо. – Наша девчурка вышила Мама вместо М. Какова?

– Я думала, так лучше, – смущённо сказала Бетси. – Два М стоят и на платках Мег, а эти лично для мамы.

– Отлично придумала, дорогая! – похвалила Мег. – И маме это точно понравится. Ах! Слышите? Стукнула дверь! Это мама... Прячьте скорей корзинку!

Мигom поставили корзинку под диван. Дверь отворилась, но вошла не миссис Марч, а Эми, в пальто и в косынке. Она немножко смутилась, увидав сестёр.

– Куда это наша птичка так рано улетала? – сказала Мег. – Что ты такое прячешь за спиной, Эми?

– Я думала, никто не узнает! – отвечала Эми. – Когда я сегодня читала с Бетси Евангелие, мне сделалось вдруг очень стыдно, что я такая эгоистка, и я пошла купить большой флакон... на весь свой доллар...

Мег крепко поцеловала её, а Бетси обвязала флакон розовой ленточкой.

– Ах, как красиво теперь! – радовалась Эми.

Опять стукнула дверь внизу, и снова корзинка с подарками исчезла под диваном.

Вошла мать.

– Мама, милая, с наступающим праздником! Спасибо тебе за книги! – говорили сёстры, окружая её. – Мы уж начали их читать и каждый день будем прочитывать понемногу.

– И прекрасно, мои милые девочки! Желаю вам успеха и весёлых праздников. Прежде чем мы сядем завтракать, я хочу вам кое-что сказать. Тут недалеко живёт бедная женщина с

шестерыми детьми, а седьмой недавно родился. У них нет ни хлеба, ни дров. Отнесём им наш рождественский завтрак! Как вы думаете?

Сёстры не сразу ответили: им очень хотелось есть, а завтрак подали позже обыкновенного. Однако ж молчание длилось только одно мгновение.

– Какое счастье, что мы ещё не начинали! – воскликнула Джо.

– Можно мне нести чайник? – спросила Бетси.

– А я возьму сливки и булочки, – сказала Эми, уступая бедным свои любимые кушанья. Мег взяла фрукты и хлеб.

– Я была уверена, что вы согласитесь, – сказала миссис Марч. – Когда мы вернёмся, мы позавтракаем молоком с хлебом.

Всё было готово, и семья отправилась. Они пришли в бедную, полупустую комнату. В одном углу сидела мать с крошечным ребёнком на руках, в другом, на большой кровати, приютились остальные дети, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Дров в печке не было, в разбитое окно врвался холодный воздух.

– Господь посылает к нам своих ангелов! – сказала бедная женщина со слезами на глазах.

Миссис Марч занялась матерью и ребёнком, которому она принесла бельё и тёплое одеяло.

Сёстры стали делить между старшими детьми завтрак. Анна заткнула собственным старым передником разбитое окно и растопила печку принесёнными из дому дровами. Дети улыбались. Их бледные личики зарумянились. Мать со слезами благодарила миссис Марч и Анну.

Не было во всём городе таких счастливых людей, как четыре сестры Марч, когда они с матерью возвращались домой.

– Я думаю, это и называется в Евангелии любить своего ближнего, как самого себя, – говорила Мег. – Как я рада, что мы могли это сделать!

Пока миссис Марч выбирала у себя в шкафу одежду для бедной вдовы и её детей, сёстры разложили подарки на столе между горшками роз и золотоцвета.

– Мама идёт! Пойдёмте! – сказала Джо.

Бетси села за фортепиано и заиграла самый весёлый марш, какой только знала. Мег взяла мать под руку и торжественно, в сопровождении сестёр, ввела её в столовую.

Её усадили на почётное место. У неё слёзы были на глазах, когда она увидела подарки и стала читать приколотые к ним поздравления. Джо надела ей новые туфли, Бетси надушила новый платок одеколоном Эми и положила ей в карман, перчатки Мег были завернуты в бумажку и спрятаны, пока не понадобятся.

За этим последовало много поцелуев, расспросов и рассказов. Всё это вместе придаёт столько живости праздничному дню и в дальнейшие годы остаётся незабываемым тёплым воспоминанием!

Наконец пора было готовиться к спектаклю, который девочки устраивали в этот вечер. Они были слишком юны, чтоб ездить в театр, и слишком бедны, чтоб иметь всё необходимое для устройства домашнего спектакля. Но бедность изобретательна. Большую комнату разделили пополам драпировкой, жёлтой с синим. По её одной стороне была сцена. Так как ни один мальчик не участвовал, то Джо могла исполнять мужские роли и была этому очень рада. Для этого у неё всегда были в запасе мужские сапоги, которые она добыла через одну подругу, и мужская куртка с укороченными рукавами, принадлежавшая когда-то какому-то живописцу. Актёров было мало. Мег и Джо исполняли разные роли и руководили спектаклем. Зрители – человек десять молоденьких девушек – сидели на кровати напротив сцены. За драпировкой, заменявшей занавес, слышались шёпот, сдержанный смех и звуки шагов. Наконец зазвонил

колокольчик, занавес отдернулся, и лирическая трагедия началась. Несколько горшков с деревцами и зелёная материя, разостланная на полу, означали тёмный лес. Промежуток между двумя столами в углу с натянутым поверх платком изображал пещеру в глубине чаши. В пещере стоял маленький очаг, под которым пылал огонь; колдунья наклонилась к котелку, который на нём стоял. Она приподняла крышку, и из котелка поднялся пар. Это произвело большой эффект.

Явился коварный Хьюго в широком плаще, с чёрной бородой, с гремевшей по полу саблей, в знаменитых сапогах. Он пропел дикую песню, вскрикивая по временам, и все узнали, что он хочет убить Родриго, чтоб жениться на красавице Заре.

Ему с восторгом аплодировали, и он раскланивался, как опытный актёр.

– Агарь, – позвал он, – поди сюда!

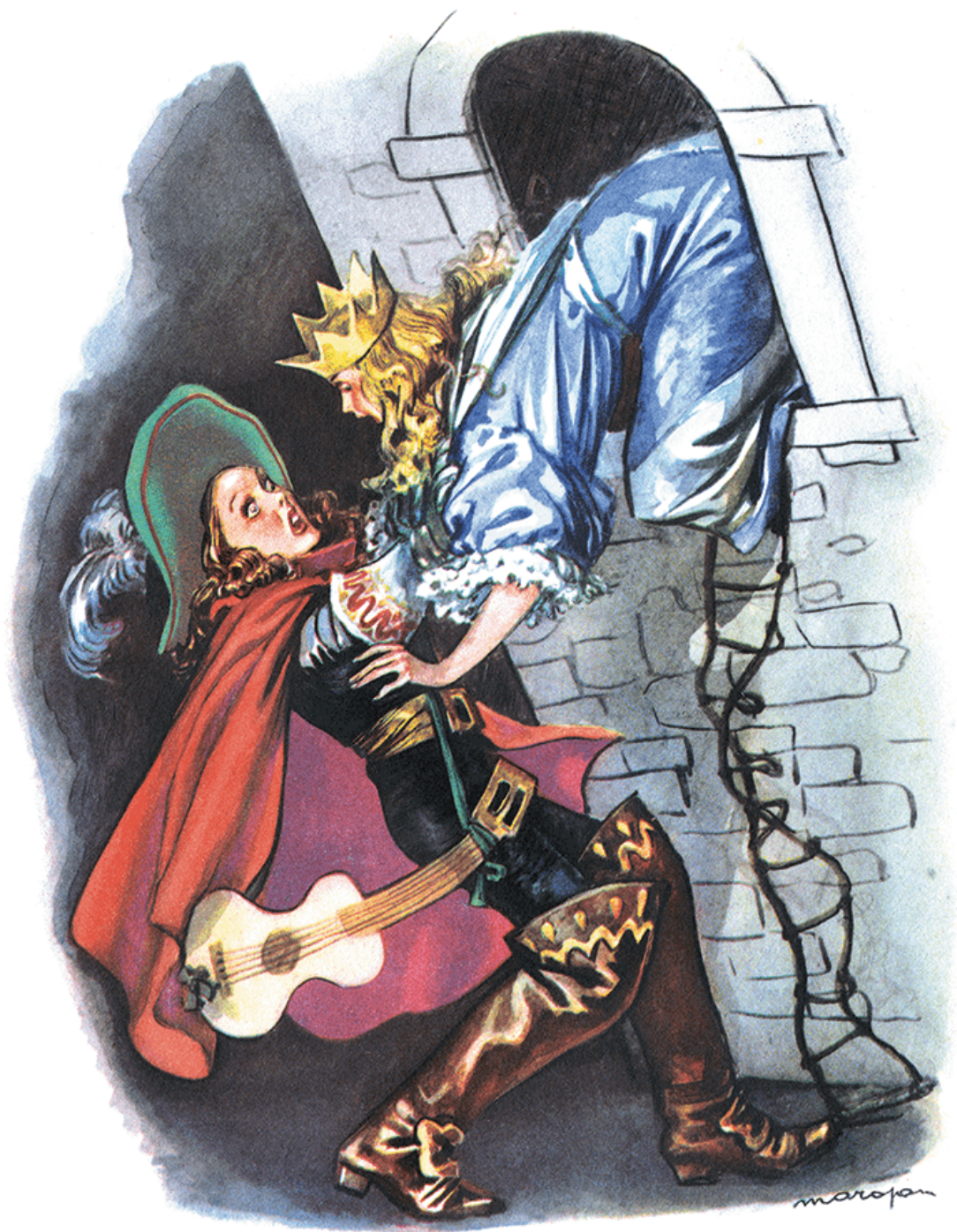
Явилась колдунья Мег с космами седых волос, висевших по обеим сторонам лица, одетая в чёрное с красным, с каббалистическими знаками на одежде, опираясь на палку. Хьюго велел ей добыть два зелья: одно для того, чтоб его полюбила Зара, другое для того, чтоб отравить Родриго. На зов Агари явился сначала белокурый дух-хранитель в розовом венке и пропел хорошенькую песенку, в которой говорил, что воду, которую он принёс, можно употреблять только для доброго дела, иначе она потеряет силу.

После другой песни Агари явился уж не такой светлый дух-хранитель и, подав Хьюго пузырьёк, убежал с насмешливым смехом. Хьюго спрятал оба пузырька в свои широкие сапоги и ушёл. Тогда колдунья рассказала публике, что решила наказать Хьюго за все его злые дела.

Это было первое действие. В антракте публике подавали гостинцы, чтоб не скучно было ждать второго действия.

Когда занавес опять отдёрнулся, на сцене стояла декорация, изображавшая башню до самого потолка. В маленьком окошечке мелькал огонёк. У окна стояла Зара и ждала Родриго. Он явился в красном плаще, в шляпе с перьями и в огромных сапогах, заиграл на гитаре и запел, прося Зару сойти к нему и бежать с ним. Зара пропела, что она согласна. Родриго бросил ей один конец верёвочной лестницы, и она стала осторожно спускаться, опершись на его плечо. Всё было бы хорошо, да край шлейфа Зары зацепился за подоконник, и декорация повалилась на неё и на Родриго.

– Я говорила! Ведь я говорила! – недовольным тоном твердила Зара-Эми.

Зрители громко вскрикнули от страха.

Из-под рухнувшей башни видны были только огромные сапоги Родриго.

Но тут явился на помощь дон Педро – отец Зары – и, шепнув ей, чтоб она не смеялась, обратился к Родриго и грозно приказал ему уходить.

Родриго немножко ушибся, но не потерял собственного достоинства и гордо отказался уйти. Зара также не соглашалась повиноваться отцу, и их заключили в темницу. Тюремщик был очень робкий человек; он схватил их за руки и увёл, забыв пропеть свою арию.

Потом открылся большой зал в замке. Хьюго налил яд в два бокала и приказал пажу отнести их заключённым, объявляя, что сейчас идёт к ним сам.

Паж отвлек внимание Хьюго. Агарь подменила бокалы другими, в которых было налито безвредное питьё. Паж унёс их, а колдунья, невидимая для Хьюго, поставила на стол чашу с отравой. Хьюго выпил яд и умер в судорогах. Это была поистине захватывающая сцена.

Агарь освободила заключённых.

Дон Педро не хотел отдавать свою дочь за Родриго, потому что он был беден. Тогда Агарь наделила Родриго огромным богатством, и свадьба была решена. Зара, Родриго и дон Педро спели хором, и занавес опустился при громких аплодисментах публики.

Но вдруг раздался страшный треск, и места для зрителей – кровать – подломилась под ними. Все упали. Актёры подоспели на помощь и вместе со зрителями заливались смехом. В это время явилась Анна просить барышень вниз ужинать.

Для актёров это было такой же неожиданностью, как и для гостей. На столе стояло розовое и белое мороженое, фрукты, пирожки, варенья и сладости, и между ними четыре хороших букета.

Сёстры весело посматривали на стол и на мать.

– Откуда это? Не феи ли принесли? – сказала Эми.

– Не тётушка ли Марч надумала доставить нам удовольствие? – сказала Джо.

– Мама – никто другой! – сказала Мег.

– Все вы ошиблись, – отвечала, весело улыбаясь, миссис Марч. – Это прислал мистер Лоренс.

– Дедушка Лори Лоренса! Что это значит? Мы его совсем не знаем, – сказала Мег.

– Анна рассказала одной из его служанок, куда вы ходили сегодня утром, – объяснила миссис Марч, – и старичка тронуло это. Он был дружен с вашим покойным дедушкой, моим отцом, и напомнил мне об этом сегодня в письме, которое Лори принёс вместе с гостинцами. Мистер Лоренс просил не отказывать ему в удовольствии сделать вам приятное.

– Пари держу, – сказала Джо, – что внук навёл его на эту мысль. Это славный мальчик, и мне хотелось бы с ним познакомиться. Я уверена, что ему до смерти хочется поговорить с нами, да он ужасный дикарь. А Мег ни за что не позволяет мне сказать ему ни одного слова, когда мы встречаемся.

– Вы говорите о старике, который живёт в доме рядом? – сказала одна из девочек. – Моя мама его знает. Он ужасный гордец и ни с кем из соседей не знакомится. Мальчик остаётся один, как только уходит его учитель. Мама приглашала его к нам, но он всегда отказывается.

– Как-то раз, – сказала Джо, – наша кошка пропала, и он принёс её нам. Мы с ним поговорили несколько минут, но он сейчас же убежал, как только увидал Мег. Да, с ним непременно надо познакомиться: ему, наверно, очень скучно.

– Мне он нравится, – отвечала миссис Марч. – Это, по-видимому, благовоспитанный мальчик, и я ничего не имею против, чтоб вы с ним разговаривали. Сегодня ему, возможно, было очень жаль, что он не мог присоединиться к вам, когда вы смеялись наверху.

– И к счастью нашему! – сказала Джо, взглянув на свои большие сапоги. – В другой раз мы сыграем что-нибудь такое, что и он мог бы видеть. Как знать? Может быть, и он когда-нибудь будет участвовать в спектакле. Это было бы чудесно!

– Какие хорошенькие цветы! – говорила Мег. – Я никогда не видела таких прелестных букетов.

– Да, это правда, – отвечала миссис Марч, – но для меня ещё дороже букет, который мне подарила Бетси. Я с ним целый день не расстаюсь.

– Мама, – шёпотом спросила Бетси у матери, – как ты думаешь, можно ли послать букет цветов и папе? Он, бедняга, не так весело встречает Рождество, как мы!

Глава III Лори Лоренс

– Джо! Джо! – звала Мег, торопливо подходя к лестнице, ведущей в верхнюю комнату.

– Я здесь, – отвечал голос сверху.

Джо сидела на колченогом диване в верхней комнате, греясь на солнышке, грызя яблоко и заливаясь слезами над трогательной повестью. Это был её любимый уголок. Там у неё был и товарищ: крыса, которую она приручила. При появлении Мег крыса мгновенно скрылась.

– Джо, – продолжала Мег, – миссис Гардинер приглашает нас завтра к себе на вечер. Подумай только, как это будет весело! Мама позволяет идти. Но что мы наденем?

– Нечего и спрашивать! Поплиновые платья, конечно.

– Ах, как бы мне хотелось иметь шёлковое! – вздохнула Мег. – Да мама говорит, что до восемнадцати лет мне нельзя надевать шёлкового платья.

– Да и не надо! Наши поплиновые ничем не хуже. Твоё совсем как новое, а мое... Гм! Гм! Моё сзади прожжено, а спереди на нём пятна.

– Так ты старайся больше сидеть на месте, никто и не заметит. У меня есть новая лента в волосы; мама даст мне свою жемчужную брошку; туфли у меня очень хорошенькие, перчатки ещё довольно свежи для вечера.

– А мои запачканы лимоном! Ну да мне всё равно: я пойду и без перчаток.

– Нет, уж пожалуйста! Без перчаток на вечере нельзя быть.

– Так я и совсем не пойду. Я ведь не охотница танцевать и ездить по вечерам.

– Да нельзя ли вычистить твои перчатки? – озабоченно спросила Мег.

– Я могу держать руку в кулаке, чтоб не заметили, – отвечала Джо. – Больше ничего нельзя сделать... Ах, нет... вот что мы сделаем: мы наденем каждая на одну руку твои перчатки, а мои – грязные – будем держать в руке.

– Ты разорвёшь. У тебя рука больше моей.

– Ну, так я тебе говорю, я пойду без перчаток! – сказала Джо и снова принялась за книгу.

– Нет, лучше мы сделаем, как ты говоришь, – согласилась Мег. – Только будь осторожна, Джо, и держись хорошенько: не закладывай руку за спину!

– Будь покойна, Мег. Я буду молчать как рыба и постараюсь, чтоб ты была мной довольна.

Ну, теперь ступай, пожалуйста, писать ответ миссис Гардинер. У меня такая интересная книга!

Джо опять принялась читать, плакать и грызть яблоки.

Вечером накануне Нового года Мег и Джо одевались. Эми и Бетси им помогали. Всем было очень весело; они болтали и смеялись во время своих сборов.

– Что это? Как пахнет палёным! – сказала Бетси.

Джо прижигала горячими щипцами завёрнутые в папильотки кудри Мег.

– Это от папильоток, – отвечала Джо.

– Разве от них всегда бывает такой запах? – спросила Эми.

– Сырые волосы, оттого и пахнет, – сказала Джо, начиная развёртывать папильотки. –

Прелесть, как у тебя завьются волосы, Мег!

Но вместе с бумажками отвалились и завитые прядки волос.

– Ах! Что ты наделала! – воскликнула Мег. – Как я покажусь теперь?

Джо с ужасом смотрела на клочки волос на щипцах. У неё на глазах выступили слёзы.

– Никогда мне ничего не удаётся! – говорила она.

– Да ничего! – сказала Эми. – Подвей, что осталось, и подвяжи лентой, вот и будет модная причёска!

Мег поцеловала Джо.

– Не печалься! – сказала она. – Я сама виновата: зачем кокетничала! Надо было причёсаться, как каждый день.

Наконец сёстры оделись. Они были очень милы в своих простых, но хорошеньких платьях. У Мег было серебристое и пунцовый бантик в волосах. У Джо голубое и в волосах две маргаритки.

Младшие сёстры нашли, что они очаровательны. Миссис Марч оглядела их и спросила, взяли ли они с собой носовые платки понаряднее?

– Да, мама, и надушили одеколоном! – отвечала Джо.

Мег чувствовала тяжесть на голове от восемнадцати шпилек в её модной причёске, а туфли на высоких каблуках были ей тесноваты, но она была готова всё вытерпеть, чтобы быть красивой.

– Пожалуйста, Джо, не забудь про пятна на твоём платье, когда мы придём к миссис Гардинер! – напомнила она, выйдя с сестрой на улицу.

– Не забуду, Мег! Ах, Мег, как я тебе завидую, что ты так хорошо умеешь держаться! Если я буду делать что-нибудь не так, ты мне подмигни.

– Фи! Разве можно подмигивать в обществе? Я лучше нахмурю брови.

Они входили в переднюю. Из гостиной слышалась музыка.

– Как хорошо! Ах, какой милый вальс! – шептала Джо.

Входя в гостиную, обе чувствовали себя немного смущённо, но миссис Гардинер встретила их ласково. К ним подошла её дочь. Мег давно её знала, и они сейчас же начали разговаривать между собой. Джо присела у стенки, помня о своём платье, и ей было не по себе. Недалеко от неё мальчики толковали о коньках и катке. Джо всё отдала бы за возможность поговорить с ними. Она вопросительно взглянула на Мег, но та величественно сдвинула брови, и Джо не решилась шевельнуться.

Понемногу группы разговаривавших разошлись, и Джо осталась одна. Никто не подходил поговорить с ней. Начались танцы. Мег порхала, едва дотрагиваясь маленькими ножками до пола. Глядя на неё, никому и в голову не пришло бы, какие мучения она терпит от своих модных каблуков. Один молодой человек направился к Джо, чтобы пригласить её танцевать, но, заметив это, Джо быстро скользнула за портьеру в другую комнату. Оказалось, однако ж, что там раньше неё спрятался гость, как и она, чувствовавший себя неловко в большом обществе. Это был Лори Лоренс.

– Ах! Извините, пожалуйста, я не знала, что тут кто-нибудь есть.

– Не обращайтесь на меня внимания, – отвечал, краснея, мальчик.

– Я вас не стесняю?

– Нисколько. Я ушёл сюда, потому что ни с кем здесь не знаком и мне немножко неловко.

– И мне тоже. Оставайтесь, если я вам не мешаю.

Лори сел и стал смотреть на кончики своих сапог. Джо хотелось быть любезной.

– Я, кажется, имею удовольствие быть с вами знакомой? – сказала она. – Вы ведь наш сосед?

– Да, я живу рядом с вами.

Он невольно засмеялся. Принуждённая манера Джо напомнила ему их первую встречу, когда он принёс ей пропавшую кошку и она совершенно свободно болтала с ним о крокете, о волане и мячике. Его смех сразу заставил её забыть о своём смущении.

– Вы нам доставили много удовольствия рождественским подарком! – весело сказала она.

– То есть мой дедушка.

– Да. Но признайтесь, ведь это вы ему подсказали?

– Как поживает ваша кошка, мисс Марч? – с лукавой миной спросил вместо ответа мальчик.

– Очень хорошо; благодарю вас, мистер Лоренс. Только я не мисс Марч: я просто Джо!

– И я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс! Какое странное имя!

– Моё второе имя Теодор. Мальчики вздумали звать меня Дора, и я заставил их называть меня Лори.

– Конечно. И я не люблю, когда меня называют Жозефина. А как вы смогли их заставить?

– Я поколотил их несколько раз.

– Гм! – со вздохом протянула Джо. – Я не могу поколотить тётушку Марч, и мне придётся покориться.

– Мисс Джо, вы разве не любите танцевать?

– Очень люблю! Но я только тогда могу танцевать, когда много места. В тесноте я не умею ловко двигаться. А вы танцуете?

– Иногда. Но я воспитывался за границей, здесь живу недавно и мало знаю здешние обычаи.

– Вы были за границей? Ах, расскажите мне, пожалуйста, об этом! Я ужасно люблю слушать о путешествиях!

Лори немножко затруднился, с чего начать, но Джо расспросами помогла ему. Он рассказал, что воспитывался в училище в Веве, что у воспитанников был свой маленький флот на Женевском озере и в свободное время они совершали очень весёлые поездки по Швейцарии со своими учителями.

– Ах, какая чудесная страна! А Париж? Были вы в Париже?

– Мы там провели прошлую зиму.

– Вы говорите по-французски?

– Нам в Веве не позволяли иначе говорить.

– Ну, скажите мне какую-нибудь французскую фразу!

– Извольте. Как фамилия барышни в крошечных башмачках? – спросил Лори по-французски, указывая на одну из танцующих.

– Ведь вы её знаете: это моя сестра Маргарет.

– Она прелестно танцует!

Джо очень обрадовалась похвала сестре. Она покраснела от удовольствия и ещё дружелюбнее стала относиться к Лори. Ей очень хотелось узнать, сколько ему лет.

– Вы, вероятно, скоро поступите в колледж? – спросила она с этой целью. – Вы постоянно сидите, уткнувшись в книгу... то есть постоянно за книгой, – поправила Джо, краснея за вульгарное выражение.

Но Лори только улыбнулся,нисколько не обидевшись.

– Не раньше, как через три года, когда мне исполнится семнадцать лет.

– А! Так вам ещё нет пятнадцати!

– Скоро будет.

– А вы хотели бы поступить в колледж?

– Нет. Мне хотелось бы уехать в Италию и жить по-своему.

Джо не решилась расспрашивать его, так как он, как ей показалось, нахмурился.

– Какую хорошенькую польку играют! – сказала она. – Отчего вы не пойдёте танцевать?

– Да, если вы согласны быть моей дамой...

Лори встал и поклонился ей.

– Я обещала Мег не танцевать.

– Отчего?

– Оттого что... – начала Джо и остановилась, не зная, что сказать.

– Отчего? – с любопытством повторил Лори.

– Вы никому не скажете?

– Ни за что!

– Ну, так видите ли, у меня есть привычка стоять спиной к печке, и от этого я часто порчу себе платье. Такая беда случилась и с этим моим платьем. Я его спалила, и хотя беду поправила, но всё-таки заметно. Мег взяла с меня слово, что я всё время буду сидеть на месте. Пожалуйста, не удерживайтесь от смеха: я знаю, что это очень смешно!

Но Лори не смеялся. Он опустил и снова поднял на неё глаза, и она увидела в них такое выражение участия, что удивилась.

– Не беспокойтесь! Пойдёмте в ту комнату: там никого нет, и мы свободно можем танцевать, – ласково сказал он.

Они пошли и прервесепо танцевали, а потом Лори опять стал ей рассказывать о жизни за границей. В комнату вдруг заглянула Мег, сделала знак сестре и исчезла. Джо с большим сожалением встала и пошла к ней. Мег сидела на диване, и лицо её было очень печально.

– Я, кажется, вывихнула себе ногу, – сказала она. – Мне так больно, что не дойти до дому. Наверно, это из-за высоких каблучков!

– Я так и думала! Бедная Мег! Что же делать? Надо послать за каретой.

– Это очень дорого! Да и кто пойдёт нанимать?

– Я пойду, – сказала Джо.

– Нет! Как можно! Ведь уже десять часов. Но мне и здесь переночевать нельзя. У Салли Гардинер гостят несколько подруг, и места больше нет. Я буду сидеть здесь и ждать Анну, а там увидим, что делать.

– Я знаю, что делать! – отвечала Джо. – Я попрошу Лори сходить за каретой.

– Нет, пожалуйста, не говори никому! Принеси мне мои калоши, я прилягу на диване, а ты после ужина карауль Анну.

– Ещё не сядишь ужинать. Я могу остаться с тобой.

– Нет, лучше принеси мне чашечку кофе. Я так устала, что не могу шевельнуться.

Джо отправилась в столовую, спросила чашку кофе и сейчас же всю её опрокинула на себя.

– Ах, какая я неловкая! – рассердилась она и стала вытирать платье перчаткой Мег.

– Позвольте мне вам помочь! – услышала она дружелюбный голос.

Это был Лори.

– Посмотрите, какое горе! – сказала бедная Джо. – Я хотела услужить Мег – она так устала... Меня нечаянно толкнули, и я облилась!

– Я только что собирался предложить кому-нибудь мороженое и кофе, – сказал Лори. – Могу я отнести это вашей сестре?

– Я вам буду очень благодарна.

Они подошли к Мег. Лори подвинул столик к дивану, принёс ещё порцию мороженого и чашку кофе для Джо. Они ели мороженое, пили кофе и болтали. Лори был так услужлив и мил, что даже Мег забыла свою сдержанность и разговорилась с ним, как со старым знакомым. Наконец явилась Анна. Мег встала, опираясь на сестру, но не выдержала и, вскрикнув от боли, почти упала на диван. Анна её бранила, Мег плакала. Джо решила взять дело в свои руки. Она сошла вниз и глазами поискала кого-нибудь из прислуги, чтоб послать за каретой. И тут Лори подоспел к ней на помощь. Он предложил им ехать домой в карете, которую за ним прислал дед.

– Да зачем же вам так рано уезжать? – робко сказала Джо.

– Я всегда рано уезжаю, – ответил он. – Пожалуйста, садитесь в нашу карету! Говорят, идёт сильный дождь.

Джо приняла предложение и побежала звать Мег и Анну. Они втроем сели в карету, а Лори сел на козлы, чтобы Мег могла держать больную ногу повыше.

– Ах, как мне было весело! – сказала Джо, откидываясь на подушках.

– И мне тоже, пока я не ушибла ногу, – сказала Мег. – Со мной подружилась приятельница Салли – Энни Моффат – и пригласила меня приехать к ней с Салли погостить весной. В это время как раз начнётся оперный сезон. Ах, если б мама меня отпустила!

– Ты танцевала с молодым человеком, от которого я убежала, помнишь? С рыжими волосами. Что он – любезный?

– Да у него вовсе не рыжие, а золотистые волосы. Он очень вежливый, и я с удовольствием танцевала с ним.

– Он так тяжело сделал первые па, что мы с Лори не могли удержаться от смеха. Не слышно было, как мы смеялись?

– К счастью, нет. Это было совсем нехорошо с вашей стороны. Да, где ты пропадала целый вечер?

Джо стала рассказывать ей о своём приключении. Когда она закончила, они подъезжали к дому. Лори помог им выйти из кареты. Они поблагодарили его и пошли к себе. Они надеялись войти, никого не разбудив. Но как ни тихо отворилась дверь их спальни, мигом явились перед ними два полусонных личика.

– Расскажите, что было на вечере! – заговорили разом два полусонных голоска.

Джо привезла им гостинцы, хотя Мег находила очень неприличным брать с собой гостинцы, уезжая из гостей.

Когда девочки ушли к себе, Джо сделала примочку с арникой на ногу Мег и стала расчёсывать ей волосы на ночь.

– Мы точно светские дамы, – сказала Мег, – в своём экипаже возвратились домой!

Но вряд ли каким-нибудь светским дамам было так весело на большом балу, как Мег и Джо, несмотря на платье в пятнах, на поношенные перчатки, спалённые волосы и высокие каблуки, из-за которых можно было сломать себе шею!

Глава IV

У каждого своя ноша

– Как тяжело взять свою ношу и нести её! – вздыхала Мег на другой день после вечера у миссис Гардинер. – Счастливые богатые! Они каждый день могут ездить в каретах и танцевать на вечерах!

– Да, – сказала Джо, – жаль, что кончились праздники! Ну да что делать? Приходится взять и нести свою ношу, как делает мама. Тётушка Марч – ноша не лёгкая, но я думаю, если я буду нести её, не жалуясь, так она наконец сама свалится у меня с плеч или, по крайней мере, будет казаться легче.

Эта мысль заняла воображение Джо и развеселила её, а Мег оставалась хмурой. Всё работай да работай! Мег даже не хотела принарядиться: для чего, если её никто не видит? После того как отцу пришлось заплатить за одного несчастного бедняка-приятеля и семья Марч обеднела, Мег и Джо выразили желание иметь свой заработок. Мег стала работать приходящей учительницей в семье с четырьмя маленькими детьми, а Джо – чтицей у тётушки Марч, которой она понравилась. Знакомство с семьёй Кинг, где только и говорили о балах и концертах и барышни часто выезжали, поддерживало недовольство Мег.

Джо, несмотря на воркотню старой тётушки, была довольна своим небольшим заработком и, сама того не замечая, любила тётушку. После смерти мистера Марча – доброго старичка, который, бывало, ласково встречал Джо и показывал ей картинки, – осталась большая библиотека. Это было главной приманкой для Джо. Чуть только тётушка задремлет в кресле, слушая чтение племянницы, Джо бежала в библиотеку, усаживалась в большое кресло и читала всё, что попадало ей под руку. Но не успевала она иногда прочесть половины какого-нибудь интересного рассказа, как слышался громкий зов: «Жо-зе-фина! Жо-зе-е-фина!» – и приходилось всё бросать и идти читать какое-нибудь философское или религиозное рассуждение.

Джо мечтала, что когда-нибудь она совершит что-то замечательное, хоть и сама не знала, что именно, и ждала. Она была очень бойкая и острая на язык, и занятия у тётушки Марч обуздывали её нрав.

Бетси училась дома, сначала у отца, а потом одна, чтоб не забыть того, чему научилась. Она очень любила куклы. Найдя между старыми лоскутками выброшенную куклу Джо, она взяла её, сшила ей платье, сделала постель и ухаживала за ней, точно за живым человеком. Несмотря на всю свою кротость, Бетси тоже была не ангел. Иногда она целыми часами горько плакала из-за того, что у неё нет возможности учиться музыке. Бедная девочка терпеливо повторяла то, что знала, на стареньком фортепиано и надеялась, что когда-нибудь у неё будет хороший инструмент и она будет брать уроки музыки.

Если б кто-нибудь спросил Эми, что было у неё тяжёлого на душе, она отвечала бы: «Мой нос!»

Эми восхищалась греческими носами, а её носик был совсем не греческий. Она была любительница рисовать и рисовала на всём, даже на книгах, хотя это вовсе не могло заслужить похвалу её учителя. Но ей всё прощали за милый характер и вежливые манеры. Подруги любили её. Такая всеобщая снисходительность поддерживала в Эми тщеславие и эгоизм.

Сёстры жили дружно. Мег была руководительница и поверенная Эми, а Джо – Бетси.

Тяжело им было снова начинать обычные занятия после праздников, и все четыре сестры смотрели хмуро. Миссис Марч проводила их, когда они уходили, и послала поцелуй из окна, когда они вышли на улицу.

– А ведь мы не то заслужили, – сказала Джо. – Мы всё время надоедали маме своими жалобами и шумными сборами. Ну, не дуйся, милая Мег! Вот подожди: когда я буду богата, ты постоянно будешь ездить в каретах и танцевать на балах!

Мег не выдержала и засмеялась. Они развеселились и решили вернуться домой в хорошем расположении духа.

Раз вечером, когда мать и четыре сестры сидели за работой вокруг лампы, Мег сказала: – А что же, нынче никто ничего не расскажет?

– Сегодня у меня с тётушкой Марч вышла презабавная история, – сказала Джо. – Мне так надоело читать скучные рассуждения, что я зевнула. Тётушка спросила, не собираюсь ли я проглотить книгу. «Пожалуй, проглотила бы, если б была уверена, что больше никогда о ней не услышу», – отвечала я, стараясь говорить шутливым тоном. Тётушка прочла мне за такой ответ длинное нравоучение, а потом велела мне подумать о своих проступках, пока она немножко вздремнёт. Я подождала, пока она не начнёт клевать носом, и достала из кармана «Векфильдского священника». Тётушка дремлет довольно долго, и я успела бы начитать, да вдруг забылась, где я, и, прочитав, как все герои попадали в воду, не могла выдержать и громко расхохоталась. Тётушка проснулась. Она всегда делается добрее после сна, и она попросила меня прочесть ей страничку из пустой книжки, которая так меня занимала. Когда я прочла ей страничку и даже две, тётушка захотела узнать, что было раньше, и попросила читать сначала. А потом, когда я, одевшись, чтоб уходить, вернулась к ней, тётушка до того углубилась в чтение «Векфильдского священника», что не слышала, как я танцевала в столовой, радуясь завтрашнему дню. Ах, как она могла бы славно жить, если б хотела! Право, я ей не завидую, хоть она и богата: наверно, богатые тоже знают скуку и заботы!

– Конечно, – сказала Мег. – Сегодня у Кингов все были в слезах, даже сама миссис Кинг, а мистер Кинг сердился и бранил старшего сына. Я слышала это, занимаясь с младшими. Девочки сказали мне тихонько, что брат сделал что-то очень-очень плохое, и отец выгнал его. Я в душе поблагодарила Бога, что у меня хорошие сёстры и нет дурного брата, который позорил бы нашу семью!

– Но ещё хуже, я думаю, когда пристыдят перед целым классом, – сказала Эми. – Сегодня Сузи Перкинс нарисовала у себя в альбоме во время урока карикатуру на мистера Девиса – нашего учителя. Она сделала ему длинный нос и горб, а изо рта у него тянулась ленточка с надписью: «Я вижу всех вас, барышни!» В эту самую минуту он обратил на неё внимание и велел показать альбом. Она подошла. Он взял её за ухо, подвёл к школьной доске и велел держать свой рисунок так, чтоб все видели. Сузи расплакалась, а мы все присмирели.

Когда Сузи пришла утром, у неё на пальце было такое хорошенькое сердоликовое колечко, что я позавидовала ей и мне ужасно захотелось иметь такое же. Но после истории с ней я перестала завидовать. Никакое кольцо не утешило бы меня, если б со мной случилось то, что с ней!

– Я счастливее вас, – сказала Бетси. – Я была сегодня в рыбной лавке. Вошла женщина и попросила хозяина дать ей какую-нибудь работу, чтоб иметь возможность купить рыбу и накормить своих детей. Он резко ответил ей, что у него работы нет. В это время в лавку вошёл мистер Лоренс. Услышав просьбу бедной женщины, он снял одну из рыб, развешенных над прилавком, и положил её в передник женщины. Надо было видеть её изумление! Она не знала, как его и благодарить. «Ступай, моя милая, и накорми своих детей», – сказал он. Она ушла, говоря, что Бог даст ему за это Царствие небесное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.